

ОДИННАДЦАТЫЙ КЛАСС

АНАЛИТИЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Выполните целостный анализ прозаического или стихотворного (на ваш выбор) произведения. Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Михаил Осоргин

ПЕШКА

Гражданина Убывалова выслушали, выстукали, просветили два врача и один профессор. Снимка ему не показали; на снимке среди бурелома туманных ребер врачам и профессору подмигнула темная клякса. Увидев ее, оба врача боязливо подняли брови, а профессор удовлетворенно кивнул головой, хотя ранее того именно он и сомневался. Было сполна уплачено за картину и консилиум. Врач, постоянно лечивший Убывалова, его старый приятель, плел от смущения и большого огорчения такую милую и трогательную ахиною и так напирал на счастливые случаи, которых не бывает, что обоим стало неловко. После этого они мужественно играли в шахматы, врач проиграл и очень обрадовался: выиграть партию у человека обреченного было бы и неприлично и неприятно. Выйдя из дому, врач до поворота в другую улицу ежился и повторял про себя: «Боже мой, Боже мой, вот бедняга!» - а на повороте вынул платок и вытер искреннюю дружескую слезу. Из платка выпала костяшка и отчетливо звякнула об асфальт, но он не заметил.

Гражданин Убывалов остался дома вдвоем: он и его близкая смерть. Некоторое время мысль о ней путалась в его представлении с гамбитом Муцио: жертва коня за сильную атаку; они играли по старинке, комбинационно, как играли смелые и непрактичные мастера. С момента, когда черная пешка взяла белого коня, и до самого конца партии Убывалов отодвинул мысль о смерти, слишком огромную и не вмещающуюся в знакомую шахматную комбинацию. Но мысль эта вернулась при очень крепком рукопожатии в передней, когда старый друг, прощаясь, сказал: «Ну, я буду забегать, а ты будь молодцом!» Уложив шахматы в большую коробку, выложенную внутри зеленым бархатом (шахматы были превосходные, очень дорогие, фигурные, слоновой кости), Убывалов хотел включить верхний свет, оставив только лампу на столе,- и внезапно испугался полумрака, который может заселиться тенями. На минуту он замер, потом к груди подкатилась волна небывалого по странности ощущения: стены стали приближаться и отступать, приближаться и отступать, а он попробовал по возможности добродушно улыбнуться и мудро сказать себе: «Ну! Вот и все!», - ноги его ослабели и пол зашевелился. А между тем до сих пор он держался так мужественно и разумно, что его приятель, врач, мог уйти в уверенности, что он не понял.

Сев в кресло у стола и пошатываясь, - а может быть, продолжала шататься комната, - он смотрел на книги и портреты, а книги и портреты смотрели на него с тревожным любопытством, не понимая, как же теперь человек соберет свои мысли и что он будет делать в остающееся до близкой смерти время. Было бы много проще, если бы он испытывал очень сильные боли и думал только о них, о том, как и чем их ослабить; но вот сейчас как раз болей не было, только обычное и уже привычное ощущение желудочного недомогания. Перед снимком его заставили съесть манной каши с какой-то дрянью, и приятель настойчиво называл кашу кашкой, как будто от этого все делалось шуточкой и пустячком: «Ты кашки покушаешь, а мы посмотрим, что у тебя там такое приключилось». И он тоже ел кашу с шутливым выражением, - так уж было нужно. Теперь, когда все известно, постепенно начнутся боли, и затем он умрет. Но представить себе все это невозможно, и лучше бы (то есть гораздо проще), чтобы все это оказалось ошибкой.

Одну минуту - только одну минуту - Убывалов думал о том, что, в сущности говоря, так случается рано или поздно с каждым человеком: в какой-то час он оказывается обреченным и понимает это. Особенно, когда ему уже много лет. Ну, прожил бы еще пять,

десять, ну - двенадцать лет, а там все равно... Конечно, проще, когда уже не осознаешь ничего от старости или слабости. Но комната опять зашаталась, и портреты уплыли в тумане. Не может быть, чтобы люди перед смертью не сходили с ума. Но раз неминуемо, то как же не думать об этом решительно всегда, во всякую минуту, все равно в старости или в молодые годы. Мы просто только обманываем себя и отмахиваемся от ужасных мыслей. Таким образом, можно считать, что ничего не случилось.

Книги и портреты приняли спокойное положение, Убывалов встал, прошелся по комнате, остановился против зеркала, в котором очень почтенный и очень знакомый человек улыбнулся и произнес губами: «Эх, господа, господа, все это неважно!» Его окружили участливые лица знакомых и друзей, все явно смущенные, и, как это ни страшно, ему же приходилось успокаивать их своей выдержкой. Отходя, он ласково пожимал им руки, как бы говоря глазами: «Ну-ну, знаю, спасибо вам!» - и они смотрели ему вслед с почтительном удивлением. Он вынул было из кармана газету и хотел углубиться в чтение, но это было бы рисовкой. Лучше так, просто, не говоря о себе, расспрашивать, как у них идут дела, как ребятишки, правда ли, что Павел Игнатьич остается в Америке и выписывает туда жену. И он то отходил от зеркала к книжным полкам, то опять возвращался с приветливой улыбкой, радуясь, что стало так хорошо и спокойно. Но верхнего света все-таки не гасил, чтобы не нарушить светлого стиля своего душевного состояния. Мягкий ковер заглушал шаги. Так ходить, бросая беглый взгляд в зеркало, потом на книги, можно было долго, почти вечность, только бы не сделать резкого движения, которое изменит ровный строй мыслей. Он ходил, пока не ощутил слабости в ногах и легкого головокружения, в последние дни довольно обычного. Тогда он стал приучать себя к мысли, что вот сейчас остановится и сядет в кресло, но сделает это плавным движением, как бы выполняя намеченный план. Так он и сделал, медленно опустившись в кресло и сейчас же протянув руку к шахматам. Слоны были с хоботом, подвернутым под передние ноги, лады несколько похожи на гондолы, бородастый король обеими руками опирался на меч. Вынимая фигуры одну за другой, он любовался ими, как всегда; в такие шахматы было приятно играть. Если с полной внимательностью и без всякого пристрастия играть за себя и за воображаемого партнера, то игра должна, по-видимому, окончиться вничью? Перед ним сидел доктор. «Ну, сыграем, сыграем», - сказал он вслух и подумал: «Если первыми уставятся белые...» Не глядя вынимал из коробки и ставил на поля широкой доски. Белые опережали; потом их стали догонять черные; все фигуры стояли на местах, дело шло только о пешках: с каждой стороны недоставало по три, потом по две. И опять он подумал: «Если первыми уставятся белые...» Он вынул пешку белую, потом черную и, когда вынимал решающую, почувствовал в душе холодок. Вышла черная пешка, и черный ряд заполнился. Он опустил в ящик руку за последней пешкой, но ее не оказалось; посмотрел - ящик был пуст. Мелькнула мысль, что, значит, все гаданье неправильно, и мысль, пожалуй, приятная, но нужно было не думать, а начать игру, вообще что-нибудь делать, иначе придет беспокойство. На столе пешки также не было и не было на ковре около стола. Наклоняясь, он почувствовал боль. Все-таки нужно найти пешку. Он встал с неохотой, отодвинул кресло, внимательно осмотрел все кругом, еще раз проверил пешки на доске...

Как-то совсем нелепо пропала белая костяшка, в основании налитая свинцом и подклеенная суконным кружочком. Да и как она могла пропасть, когда только что они играли на этом самом месте в эти самые шахматы? У каждого человека есть любимые вещи, всегда ему приятные, которыми он особенно дорожит. Всякий раз, как он нагибался, боль давала себя чувствовать, хотя сейчас он менее всего думал о ней. Белая отполированная пешка никуда не могла скрыться; на темном ковре сразу бросилась бы в глаза. Он догадался поискать в сиденье кресла; мелкая вещица может забиться в щель. Искать было неприятно, там были какие-то крошки и пыль, а пешки не было.

Он выдвинул и осмотрел ящик стола, обшарил свои карманы, - хотя с какой же стати... Можно было бы временно заменить недостающую пешку чем угодно - монетой, пуговицей, кусочком бумаги. Но мысль его была теперь занята нелепой пропажей и более

всего боялась отклониться на другой предмет. Другой предмет был темным, огромным и непреодолимым; к счастью, он отошел далеко, но каждую минуту мог снова выплыть и заглянуть в глаза, под самую черепную коробку, и тогда мужеству конец. Ему очень хотелось пить: эта обычная сухость во рту и дурной вкус, самое утомительное в его болезни, потому что самое постоянное. Мог по рассеянности взять с собой костяшку, когда провожал своего друга, и оставить ее в передней. Не торопясь, боясь быстрых движений, он вышел, убедился, что там нет, и скорее вернулся в ярко освещенную комнату. Он еще никогда не испытывал такой острой к себе жалости и такой обиды: пропала очень ценная вещь, и сама по себе ценная (без пешки шахматы никуда не годятся), и особенно ценная в данный момент, когда он один в своей квартире и приближается ночь. По ночам всякая боль становится острой и гонит сон. Почему именно с ним случилась такая нелепость? Он еще раз обыскал карманы, бормоча: «Не верю я в чудеса и никаких чудес не хочу!» Если бы пальцы его наткнулись на полированную костяшку, он был бы, пожалуй, счастлив; со стороны судьбы это было бы маленьким одолжением, которое он, именно он и именно сегодня во всяком случае, заслуживает. Руки его опустились, и отчаянье, молчаливо поджидавшее в затененном уголке комнаты, начало подползать на вкрадчивых лапках. Нужды нет, что все происходит из-за такого, в сущности говоря, пустяка. Будет забегать доктор, будут забегать немногие друзья, будут смущенно топтаться и искать предлог поскорее уйти. В том магазине, где шахматы куплены, найдутся, может быть, запасные пешки, хотя это - художественная работа, а не какая-нибудь шаблонщина, какую везде найдешь. Мучительнее всего, что заказать нельзя, стыдно и смешно; скажут: «Будет готово через месяц». Спросить завтра доктора: «Стоит заказывать, если через месяц?» Он заморгает, станет неудачно шутить: «Возьми у меня вперед пешку, вот тебе и все!» Как это получается глупо... Останутся книги, останутся портреты, никому решительно не нужные, останутся письма, если их не сжечь.

Гражданин Убывалов поморщился от боли. Обычно в это время он принимал капли и ложился спать. Доктор не сказал, принимать ли капли и дальше или это безразлично. Завтра скажу ему: «Слушай, я ведь отлично понимаю...» Потом сядем играть; нужно будет начать какой-нибудь нескончаемый матч, партий в сто, если успеется. Разыграем гамбит Эванса, всегда получается интересно. Убывалов протянул руку, чтобы сделать ход, и увидел, что нет белой пешки.

Но ведь куда-нибудь... где-нибудь она должна быть! В спальню я не заходил. Или заходил? Он отчетливо помнил, что выходил только в переднюю. Пешка могла упасть и закатиться под диван, и это вернее всего, как было не догадаться сразу! Он встал со внезапно нахлынувшей надеждой и радостью. Если найдется, то все сразу станет чудесно! Диван тяжелый, и сдвинуть его трудно, особенно при этой боли. Но и так, может быть, найдется, если пошарить под диваном чем-нибудь длинным, линейкой, палкой.

Линейка стукнула и покатила легкий предмет. Была только одна секунда, и эта секунда была, во всяком случае, самой счастливой за все его существование, начиная с того времени, как два врача и профессор рассматривали туманную картину и кончая последними, полусознательными, минутами, когда мученья тела убивались морфием. Но линейка извлекла только упавший за диван прокуренный мундштук приятеля-доктора. В неудобном наклонном положении, стоя на коленях и заглядывая под диван, Убывалов довольно остро чувствовал боль, но не хотел отказаться от мысли найти пропавшую костяшку. От ковра пахло пылью. Больше ничего под диваном не было. Тогда он, не разгибаясь, прополз от дивана к книжному шкапу, хотя знал, что под ним нет щели и закатиться ничто не могло. Откуда-то попал на ковер гвоздик, о который больно накололась коленка. Убывалов поморщился, потер коленку и увидел над собой все те же портреты и книги; на темных корешках книг были вытиснены надписи, и все это давно потеряло смысл и прежнее значение. Отчаяние, так долго сторожившее в затемненном углу, решило наконец окончательно выползти на свет и напасть на человека, находившегося в такой смешной и неудобной для защиты позе. Из мягких ласковых лапок оно выпустило когти, впилося человеку в грудь и начало потихоньку ее раздирать. Это не

сопровождалось никакой особенной болью, кроме обычной, но мысль человека резко оторвалась от белой костяшки и стала тупо ударяться в стены, в ковер, в потолок и в пустой череп. Шахматы спутались, стало невозможным следить за игрой, проигранной при всех условиях, в любой комбинации. И хотя человек, привыкший владеть собой, мог бы еще подняться, подойти к зеркалу и шуточно и печально поговорить со знакомыми, но это было ни к чему, и он, оставшись сидеть на ковре посреди комнаты, наклонил голову скрещенными пальцами и стал, покачиваясь, вглядываться в семью бронзовых зайчиков, прыгавших под его опущенными веками.

1918

Юнна Мориц

КУЛАЧНЫЙ БОЙ

Мне, узкоглазой и ширококостной,
Февральским утром в год бы високосный,
Когда по небу мечется заря
В тулупе красном, речью бы несносной
На Лобном месте мне б гневить царя
И крикнуть: - Царь! Ты много войска маешь,
Но ни черта в стихах не понимаешь,
Черства твоя порода и глуха...
Опричнина - жестокая затея,
Кровопролитье - до-о-о-лгая затея,
Опричник зря кровавый бой затеял
Со мной на понимание стиха.
Вот он впрягает шею, руки, плечи
В дилемму - не убить, так искалечить,
Но - не читать, не слышать, не видеть,
Столкнуть с Земли,
покончить с днём рожденья,
В то солнечное, яркое сплетенье
Строфы, - ногой, обутой в хром, поддать!
О, как всего, что с лёту не понятно,
Боятся те, кто носит крови пятна
На рукавах камзола!.. Вникни, царь.
Поэт - это священная корова,
И если государство нездорово,
Ты песню топором не отрицай!
Ведь кто бы смог из преданного войска
Смочить траву слюной такого свойства,
Чтоб ты глотал метафор молоко,
И мозг светлел и улыбалось тело?..
Я стою плахи, но не в этом дело,
А дело в том, что царство - велико,
А в нём одним опричникам легко.
А топоры - не лёд, они не тают,
И головы, как яблоки, слетают
С мертвецким стуком с Лобного крыльца,
И мозг чернеет, истуканом - тело...
- Ты стоишь плахи!
- Царь, не в этом дело.
Казни меня, но государство в целом
Вполне достойно лучшего конца!..

1958

ТВОРЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Представьте, что вы - редактор нового издания Блоковской энциклопедии, адресованной школьникам и студентам. По вашему заказу один из молодых сотрудников редакции написал для энциклопедии статью о стихотворении А.А. Блока «Незнакомка». Отредактируйте эту статью. Сначала выпишите для автора статьи все допущенные им ошибки, объясните, какие исправления следует сделать. Затем приведите полный (откорректированный) текст статьи, внося необходимую дополнительную информацию о произведении (например, о его творческой истории, уже имеющихся в науке и новых возможных прочтениях, интерпретациях в других видах искусства, значимых исследовательских работах и т.п.).

Исходный текст статьи: Стихотворение А.А. Блока «Незнакомка» (1906, Шахматово), пожалуй, самое знаменитое произведение поэта: современники свидетельствовали, что почти не было тех, кто не знал бы его наизусть. С этой популярностью было связано и обилие, и разнообразие дошедших до нас трактовок «Незнакомки». Но какие бы смыслы ни вкладывали в это стихотворение интерпретаторы, ясно, что оно посвящено конкретной женщине - Л.Д. Менделеевой-Блок. Образ её опозитизирован, овеян тайной («И веют древними поверьями / Её упругие шелка, / И шляпа с траурными перьями, / В браслетах узкая рука»). Он возникает словно из дымки и исчезает в тумане - и читатель, убаюканный плавным чередованием ямбических строк с женскими и дактилическими окончаниями, видит его как будто во сне. Одной из самых известных иллюстраций к стихотворению стала картина Ивана Крамского «Незнакомка».